

and music. The texts used in this research are full of peculiarities of the folk culture such as sufficiently reduced representation of music vs the leading role of singing, predominance of sing-along singing vs solo, and also unprofessional performance. The dialect linguistic persona characteristics include wide perceptions in the field of singing and sufficiently reduced perceptions in the field of music. The analysis of functioning of the song and the music nominations shows that central position in the texts of the informant is the link between the musical and vocal art with leisure activities, their ceremonial function is also actualized, but rarely. Vocal art is conceptualized by the informant with aesthetic and ethical positions. The material demonstrates, on the one hand, the preservation of folk singing tradition, on the other, its transformation, and even destruction in some cases, which in turn becomes the object of informant's reflection. Also such features of folk music culture as supporting role of music under the prevalence of singing, the predominance of the collective performance of the solo and non-professionalism of performers are reflected in oral texts.

Keywords: the dialect linguistic persona, Siberian dialects of Russian, folk speech culture, singing, music.

© Ю. В. Казарин, О. В. Стахова
УрФУ, Екатеринбург

Неволя и свобода в «Воронежских тетрадах» О. Э. Мандельштама¹

Статья посвящена идеографическому, лексико-смысловому и фоносемантическому исследованию функционально-денотативной ситуации, основанной на противоположении категорий «неволя» и «свобода» — в «Воронежских тетрадах» О. Мандельштама. Рассматривается специфика лингвистического выражения данных категорий в стихотворении «Пусти меня, отдай меня, Воронеж...», которое функционирует в текстовой парадигме стихотворений «Чернозем» и «Лишив меня морей, разбега и разлета...». Производится также фоносематический анализ анаграммы «Воронеж», определяются тип и вид анаграммы и выявляются функционально-денотативные и семантические параметры категорий «неволя» и «свобода». Глобальное ощущение мира, жизни, смерти, времени, культуры, истории и поэзии представляет собой единую, мощную, грандиозную и абсолютную метаэмоцию бытия, существования, страдания и мужества человека/поэта/гражданина, шагнувшего в бездну и увидевшего ее. Поэтическое познание О. Мандельштама в «Воронежских тетрадах» усиливается и ускоряется за счет слияния различных форм поэтического говорения, когда новый для поэта метод этико-эстетической гносеологии, или поэтического текстотворчества, произрастает одновременно и равносильно из закодированного (зашифрованного), из автометафорического и метаметафорического письма, а также из прямоговорения. Лексема «Воронеж» — это текстовая доминанта особого типа: данное слово организует одновременно в стихотворе-

---

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-02005).

нии просодическое, звуковое, фонетическое, фоносемантическое (фоносемантическое), словообразовательное, грамматическое, лексико-смысловое, функционально-денотативное, а также сложное и многомерное парадигматическое, синтаксическое, строфическое, в целом текстовое, а также поэтологическое (антропологическое), антропологическое и культурологическое пространство. Системно-структурная и в целом функционально-эстетическая языковая организация поэтического текста, ее формы, функции и содержание в целом определяют направление, логику и методологию исследования функционально-семантических лексических множеств. Такой анализ стихотворения «Пусти меня, отдай меня, Воронеж...» и стихотворений Воронежского периода О. Мандельштама невозможно произвести без глубокого фоносемантического исследования текстов.

Ключевые слова: семантическое и денотативное пространство текста, идеографический анализ, анаграмма, фонографическая интерпретанта, текстовая доминанта, анаграмматическое содержание.

«Воронежские тетради» О. Э. Мандельштама уникальны прежде всего потому, что в стихотворениях, созданных в последние, трагические годы жизни поэта, произошло небывалое укрупнение всех разноприродных кодов поэтического текста/цикла/книги/«тетради» на основе синтеза категорий, явлений и состояний онтологического, антропологического, социально-исторического, этико-эстетического и культурологического характера. Личное, персональное в трех тетрадях Воронежского периода творчества О. Мандельштама репрезентировано и воспринимается одновременно как социальное, историческое и бытийное, когда эмоциональное (страх, чувство неминуемой гибели, любовь, ненависть и т. д.) трансформируется в метаэмоциональное.

Глобальное ощущение мира, жизни, смерти, времени, культуры, истории и поэзии представляет собой единую, мощную, грандиозную и абсолютную метаэмоцию бытия, существования, страдания и мужества человека/поэта/гражданина, шагнувшего в бездну и увидевшего ее. Поэтическое познание О. Мандельштама в «Воронежских тетрадях» усиливается и ускоряется за счет слияния различных форм поэтического говорения, когда новый для поэта метод этико-эстетической гносеологии, или поэтического текстотворчества, произрастает одновременно и равносильно из закадированного (зашифрованного), из автометафорического и метаметафорического письма, а также из прямоговорения.

В последнее десятилетие в мандельштамоведении появилось несколько работ, посвященных исследованию художественного мира О. Мандельштама [1], мира, пространства и времени поэта

[2], языка О. Мандельштама [3], поэтики позднего Мандельштама [4] и др. Мир и миры этого выдающегося поэта только начинают изучаться. Следует отметить, что достаточно полная система параметризации художественного мира О. Мандельштама до сих пор не создана в силу необычной сложности объекта, предметов и материала такого исследования. Художественный мир, поэтическая картина мира О. Мандельштама в «Воронежских тетрадах» — это уникальная система внутреннего мира поэта (ядро данной структуры) в функциональном единстве с мирами поэтологической, антропологической, антропологической, социологической, культурологической, этико-эстетической, хронотопической, исторической, персональной, личностной и др. природы.

2. Настоящая работа производится в русле теории, методологии и анализа текста, разработанных в Уральской семантической школе профессором Л. Г. Бабенко. Данное исследование посвящено выявлению, описанию и анализу функционально-денотативной, смысловой и ситуативной оппозиции «свобода — неволя» на материале стихотворения О. Мандельштама «Пусти меня, отдай меня, Воронеж...».

Это стихотворение, написанное в апреле 1935 г. (третье стихотворение после «Чернозема» — текста опорного для первой «Воронежской тетради»), имеет сложную природу текстообразования — и архетекстуальную, и актуально-текстовую, и содержательную, и лингвокодую. Данный текст, на первый взгляд, является игровым (архетекст — грубая поговорка «Воронеж — <...> догонишь», а также детская считалка: «Воркута — Воронеж — Ваньку не догонишь — Азия — Китай — А ну-ка — Вылетай!») и напоминает, а точнее — имитирует скороговорку («Воронеж — уронишь — проворонишь — выронишь — вернешь — Воронеж — блажь — Воронеж — ворон — нож»). Однако если этот текст воспринимать не как игровой (хотя фонографическая игра здесь очевидна), а как закодированное послание или стихотворение, содержащее в себе, помимо языковых, коды/шифры специализированного характера, — то оказывается, что поэт создает текст-шифrogramму; причем делает он это сознательно. Если первые три строки созданы автором произвольно (под влиянием сложившейся в его жизни и судьбе тяжелой ситуации — арест, суд, ссылка, увечье, больница, перемена места ссылки с Чердыни на Воронеж, которая рано или поздно

должна разрешиться расстрелом, спасением, новым судом, помилованием, тюремным заключением и т. п. — степень неопределенности судьбы поэта очень высока), — в этих трех строках реализуется типичная для Мандельштама автометафора с двойной (множественной) референтной направленностью (антропоморфия ↔ реантропоморфия), — то последняя строка создается сознательно, произвольно, т. к. именно этот, четвертый, стих становится ключом к разгадке шифра, к декодированию: «Воронеж — блажь, Воронеж — ворон, нож...» (Многоточие здесь есть нулевой [потенциальный] текст, или фрейм текста-интерпретации читателя, воспринимающего данное стихотворение.

1. Пусти меня, отдай меня, Воронеж:
2. Уронишь ты меня или проворонишь,
3. Ты выронишь меня или вернёшь, —
4. Воронеж — блажь, Воронеж — ворон, нож...

Первые три стиха содержат в себе развернутую автометафору, в которой проистекает два разнонаправленных процесса: а) опредмечивание, овеществление, «раздушевление» лирического субъекта и б) олицитворение города Воронеж. Данная метафора приводит к кардинальным грамматическим и словообразовательным изменениям топонима «Воронеж», который, на первом этапе (первые три стиха) олицитворяется и утрачивает свое топонимическое значение, а на втором этапе (четвертый стих) данная лексема обретает свойства нарицательности, неодушевленности, выражая одновременно предметно-вещественное значение («нож»), эмотивное («блажь») и мифологическое [символическое] («ворон»). Данное утверждение (стихотворение — загадка) подкрепляется семантикой (ситуацией, функционально-денотативными смыслами) стихотворений «Чернозем», «Я должен жить, хотя я дважды умер...», «Я живу на важных огородах...», «Наушнички, наушнички мои...», «Это какая улица...», «За Паганини длиннопалым...», «Кама (1, 2, 3)» и «Лишив меня морей, разбега и разлета...». В указанных стихотворениях присутствует иной способ поэтического познания, который не характеризуется высокой степенью закодированности; более того, в этих текстах преобладает прямоговорение. Ср.:

Лишив меня морей, разбега и разлета
И дав стопе упор насильственной земли,
Чего добились вы? Блестящего расчета:
Губ шевелящихся отнять вы не могли.

Май 1935

«Вы» — «власть», «НКВД», «Сталин» и т. п. — бессильны и не способны прекратить поэзию, звук, песню. Широкий функционально-денотативный контекст (типовая ситуация неволи, репрессий, беды) является повторяющимся во всех названных выше текстах, которые содержат в себе лексические знаки, объединяющиеся в функционально-семантическое поле «неволя, несчастье, беда» (ФСП мы понимаем как лексическое множество, «функционирующее во фразах, близких по смыслу, передающих одну экстралингвистическую ситуацию» [5]). Перечислим некоторые из них: *прокруха, обух, не умолить (ее), гниющая флейта, я дважды умер, город (от воды ополоумел), обиженный хозяин, гробовая доска, чужие люди, (своя жизнь) не близка (мне), язык пространства, сжато до точки, улица Мандельштама, фамилия чертова, кривозвучит (фамилия), (эта улица) эта яма, этот Мандельштам, (смычок) мнителен, (вальс) из гроба (в колыбель), с кошачьей головой во рту, три черта (ты четвертый), (на) разрыв аорты, с головою в огне, три конвойных, (мелколесьем) сожжен, пулеметно-бревенчатая (стая), долгополая шинель, охранять, лишить, упор (насильственной земли), отнять (зуб шевелящихся, не смогли)* и др. Ассоциативно-вербальная сеть [6] в сознании читателя преобразовывается в функционально-денотативное поле (далее ФДП; функционально-денотативное поле нами понимается как определенное лексическое множество, выражающее однородную, тематически цельную ситуацию, включающую в себя как ядерные, так и периферийные денотаты, функционирующие в семантически завершеном текстовом пространстве). ФСП и ФДП формируются преимущественно за счет текстовых доминант [7], часть которых мы выявили в стихотворениях, входящих в циклический, или книжный («тетрадный») контекст рассматриваемого текста, в лексической сфере которого функционирует доминанта «Воронеж». Эта лексема повторяется в тексте трижды, а звукобуквенный комплекс (звуко-ряд, фонографическое единство) *врнж*, варьируясь, повторяется в тексте 10 раз.

3. Лексема «Воронеж» — это текстовая доминанта особого типа: данное слово организует одновременно — в стихотворении просодическое, звуковое, фонетическое, фоносмысловое (фоносемантическое), словообразовательное, грамматическое, лексико-смысловое, функционально-денотативное [8], а также сложное и

многомерное парадигматическое, синтаксическое, строфическое, в целом текстовое, а также поэтологическое (антропологическое), антропологическое и культурологическое пространство. «Воронеж» — доминанта уникальная и в «Воронежских тетрадах» (где есть еще 11 стихотворений подобного анализируемому тексту характера — характера прежде всего фоносемантического, анаграмматического), и во всем творчестве О. Мандельштама, и во всей русской поэзии «неавангардного» и «неэкспериментального» характера. Полистатусная природа этой лексемы порождает поливалентное и полифункциональное состояние данной единицы: лексема, словоупотребление, фоносема, типовой и базовый звукоряд, топоним, имя собственное (с грамматической мобильностью в процессе метафорического преобразования слова, слово-символ, слово-концепт, слово-ситуация, слово-культурема, идеологема и, наконец, слово-анаграмма.

Ассоциативно-вербальная сеть стихотворения представляет собой полевою систему и структуру. Лексическое основание этой АВС таково: *Воронеж / Воронеж / Воронеж* → *пусти / отдай / уронишь / проворонишь / выронишь / вернешь* → *ты / Воронеж* → *меня* → *Воронеж / блажь / ворон / нож*. Денотативное основание АВС: *неволя* → *произвол* → *полный произвол* → *гибель*.

В целом данное стихотворение представляет собой сложный, многоуровневый код, ключом к открытию которого является четвертая строка: «Воронеж — блажь, Воронеж — ворон, нож...» Поэт, явно отождествляя свою личность (и свое личное, персональное) с личностью персонажа/лирического субъекта, репрезентирует глобальную ситуацию «Судьба поэта», личностную ситуацию «Судьба моя как судьба поэта и судьба человека» и конкретную, реальную хронотопическую ситуацию «Ссылка поэта в Воронеж/в Воронеже». О. Мандельштам дает, во-первых, ключ к пониманию объекта/субъекта/места «Воронеж» и, следовательно, — ключ к расшифровке фонетически маркированных лексем *Воронеж, уронишь, проворонишь, выронишь, вернешь*, а также лексем *блажь, ворон, нож*, функционирующих в четвертой, последней строке этого стихотворения; во-вторых, поэт предлагает ключ к расшифровке всех трех видов ситуации; в-третьих, и это самое важное, автор демонстрирует слово *Воронеж*, его фонографическую природу анаграммы.

Феномен и природа анаграммы исследуется со времен Ф. де Соссюра [9] до наших дней [10]. В данном случае мы имеем дело с поэтической анаграммой, которая в стихотворениях О. Мандельштама «выражается фонографическими редупликационными рядами и анаграмматическими единицами и рядами» [11]. Нами разработана классификация видов анаграммы [Там же], которая включает следующие: фоноанаграмма (фонографическая интерпретанта выраженная повторяющейся звукобуквой); слоговая анаграмма (фонографическая интерпретанта, выраженная повторяющейся морфемой); лексическая анаграмма (фонографическая анаграмма, выраженная цельной лексемой/лексемами); комплексная анаграмма (фонетическая анаграмма, выраженная фонографическими единицами, имеющими разный статус и функционирующими совместно (звукобуква, звукобукворяд, фонослог, фономорфема и фонолексема). (Другие виды анаграммы представлены в нашей работе, посвященной фоносемантике поэтического текста [12].

Анаграмма *Воронеж* представляет собой комплексное фонографическое выражение анаграмматического содержания данной единицы: устойчивый консонантный аллитеративный звукокомплекс *врнж/ш* и его варианты *рнш, рврнш, врнш, ж, врн, нж*. Консонантный комплекс представлен повторяющимися звукобуквами *о, е, ё*. Лексема *Воронеж* является носителем доминантного звукобуквокомплекса *врнж* и представляет собой константу (по У. Эко [13]), или фонографическую доминантную интерпретанту, которая определяет функционирование всего стихотворения (и план выражения, и план содержания) в его бинарной ипостаси: а) текста зашифрованного и б) текста интерпретируемого и декодированного. Анаграмма *Воронеж* содержит в себе в свернутом виде ряд фонографических фрагментов, которые находятся одновременно в потенциальном, в полифункциональном, в полипарадигматическом и в полиденотативном состоянии. Выделим эти единицы из фонографической лексемы, следуя методике поэта, который раскрыл ее и продемонстрировал в последней строке текста: «Воронеж — ворон, нож», т. е. ВОРОНеЖ и ворОНЕЖ (*нож*). Вот ряд данных производных (производящий фонографический ресурс — анаграмма *Воронеж*) фонографических лексем: *вор, ор, ров, ворон, норов, нерв, вон* (модальное слово + действительное), *жор, нож, верно, рожон*

(шест на площади, где приводились казни в Древней Руси); далее, учитывая фонетические варианты, которые дают звукобуквы на основе регулярных фонетических чередований исторического и позиционного характера, перечислим варианты фонографические лексемы: *реж(ь)*, *вреж(ь)*, *рож(ь)*, *вер(а)*, *вер(ь)*, *ж(ё)рнов*, *жен(а)*, *в(е)н(а)*, *в(и)н(а)*, *в(и)но*, *нор(а)*, *ж(а)р*, *нев(а)*, *шов*, *шор(ы)*, *рож(а)* и др. Таким образом, анаграмма *Воронеж*, формируя семантическое, функционально-денотативное, образное и концептуальное пространство, также организует новое, иное — фоносемантическое — пространство, которое воспринимается прежде всего фонографически, затем анаграмматически (анаграмматическое содержание текста) и, наконец, ассоциативно-семантически и интерпретативно. Полиинтерпретативность данного стихотворения очевидна: анаграмматическое содержание (фоносемантика) углубляет и расширяет общую смысловую систему текста. Производные фонограмматические «слова» и «словоформы» с учетом общего противоположения генеральных смыслов стихотворения («неволя — свободы») делятся на две группы: «Неволя («гибель»)» и «Свобода» («Жизнь», «Поэзия» и т. п.). Функционально-денотативная группа «Неволя» представлена 16 анаграмматическими вариантами; ФДГ «Свобода» включает в себя 12 единиц (отметим, что количество анаграмматических вариантов не является окончательным и определяется множеством факторов, условий и способов выделения таких единиц из слова-анаграммы). Поэт, таким образом, закодировал два глубинных, невербальных смысла, имеющих интенциональную природу: а) гибель неизбежна; б) поэт гибнет (как человек) — поэзия (и поэт, как следствие) остается свободной, вечной и живой.

Системно-структурная и в целом функционально-эстетическая языковая организация поэтического текста, ее формы, функции и содержание в целом определяют направление, логику и методологию исследования функционально-семантических лексических множеств. Такой анализ стихотворения «Пусти меня, отдай меня, Воронеж...» и стихотворений Воронежского периода О. Мандельштама невозможно произвести без глубокого фоносемантического исследования текстов. Последний период творчества поэта был детерминирован и обусловлен в сфере поэтического текстотворчества расширением и доминированием в системе тексто-

вой личности О. Э. Мандельштама фонетической, фонологической и фоносемантической языковой способности, которая интенсифицировала активацию, рост и реализацию остальных макро- и микрокомпонентов языковой личности великого поэта.

Примечания

1. *Бреева Т. Н.* Художественный мир Осипа Мандельштама: учеб. пособие. М., 2013.
2. *Панова Л. Г.* Мир, пространство, время в поэзии Осипа Мандельштама. М., 2003.
3. *Успенский Ф. Б.* Работы о языке и поэтике Осипа Мандельштама. М., 2014.
4. *Семенко И.* Поэтика позднего Мандельштама (От черновых редакций к окончательному тексту). Roma, 1986.
5. *Бабенко Л. Г.* Функциональный анализ глаголов говорения, интеллектуальной и эмоциональной деятельности (на материале художественной речи А. Платонова): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д., 1980. С. 5; *Бабенко Л. Г.* Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. Свердловск, 1989; *Бабенко Л. Г.* Русская эмотивная лексика как функциональная система: дис. ... д-ра филол. наук. Свердловск, 1990.
6. *Арнольд И. В.* Лексико-семантическое поле в языке и тематическая сетка текста // Текст как объект комплексного анализа в вузе. Л., 1984; *Гиришман М. М.* Литературное произведение: теория художественной целостности. М., 2002.
7. *Якобсон Р. О.* Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». М., 1975; *Кухаренко В. А.* Интерпретация текста М., 1988; *Эко У.* Отсутствующая структура. Введение в семиологию. М., 1998.
8. *Бабенко Л. Г.* Филологический анализ текста. Основы теории, принципы и аспекты анализа: учебник для вузов. М.; Екатеринбург, 2004.
9. *Соссюр Ф. де.* Труды по языкознанию / пер. с фр. М., 1977.
10. *Векшин Г. В.* Очерк фоностилистики текста: Звуковой повтор в перспективе смыслообразования. М., 2006; *Гридина Т. А.* Языковая игра: стереотип и творчество. Екатеринбург, 1996; *Иванов Вяч. Вс.* Об анаграммах Ф. де Соссюра // Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М., 1977. С. 635–638; *Пузырев А. В.* Анаграммы как явление языка: опыт системного осмысления. М.; Пенза, 1995; *Санников В. З.* Русский язык в зеркале языковой игры. М., 1999.
11. *Казарин Ю. В., Гоголева И. О.* Анаграмма в поэзии О. Э. Мандельштама // V Информационная школа молодого ученого: сб. науч. трудов. Екатеринбург, 2015. С. 170–176.
12. *Казарин Ю. В.* Проблемы фоносемантики поэтического текста: учеб. пособие. Екатеринбург, 2000.
13. *Эко У.* Отсутствующая структура. Введение в семиологию. М., 1998.

Imprisonment and freedom in “The Voronezh Notebooks” by O. Mandelstam

The article discusses the ideographic, lexical and phonosemantic analysis of the functional-denotative situation in Mandelstam's Voronezhskiy tetrad (The Voronezh Notebooks) based on the opposition of categories of “imprisonment” and “freedom”. The analysis describes the specific way these categories are linguistically expressed in the poem “O let me go, Voronezh, O return me” (“Pusti menya, otдай menya, Voronezh”).

This poem functions in the textual paradigm of poems “Black Earth” (“Chernozem”) and “Lishiv menya morei, razbega i razleta”. The article also analyses phonetic-semantic aspects of the anagram “Voronezh”, defines the type and kind of this anagram and describes functional, denotative and semantic parameters of the categories “imprisonment” and “freedom”. The global perception of the world, life, death, time, culture, history and poetry is one powerful, tremendous and absolute meta-emotion of existence, suffering and courage of a human / poet / citizen, who took a step into the void and saw it. Mandelstam’s poetical perception in Voronezhskiy tetradi (The Voronezh Notebooks) is empowered and accelerated by the fusion of different forms of poetical speaking: the new method of ethical and aesthetical gnoseology and poetical creation takes roots in the encrypted (coded), auto-metaphorical and meta-metaphorical writing at the same time, and also from the act of direct speaking. The lexical unit “Voronezh” is a special textual dominant. This word organises prosodic, phonetic, phono-semantic, word-building, grammatical, lexical and semantic, functional and denotative and also complex and multidimensional paradigmatic, syntactic, strophic and the whole textual and poetological (antropological), antropolinguistic and culturological space. The systemic-structural and functional-aesthetic linguistic organisation of a poetical text, its forms, functions and content determine the logic and methodology of how functional and semantic linguistic sets are studied. Such analysis of Mandelstam’s poem “O let me go, Voronezh, O return me” (“Pusti menya, ot dai menya, Voronezh”) and other Mandelstam’s poems of the Voronezh period is impossible without a thorough phonosemantic study of the texts.

Keywords: semantic and denotative space of the text, ideographical analysis, anagram, phonographic interpretant, textual dominant, anagrammatic content.

© Ю. В. Казарин, М. Е. Якимова
УрФУ, г. Екатеринбург

Любовь и смерть в рок-поэзии Земфиры¹

Статья посвящена исследованию природы рок-поэтического текста, а также идеографическому описанию функционально-денотативных классов субстантивной, глагольной и адъективной лексики в текстах Земфиры, выявлению эмотивных лексических доминант и констант. Содержит в себе признаки рок-поэтического текста, особенности реализации лексических смыслов в рок-поэтическом тексте, а также определяются перспективы работы над словарем языка поэта/певицы Земфиры. Рок-поэтический текст является мутационной разновидностью текста поэтического. Если интенционально и архитекстуально поэтический текст генетически восходит к ритуальному, религиозному, мифотворческому и художественному видам деятельности, то рок-поэтический текст выделится в качестве самостоятельного из парадигм песенного поэтического текста, имеющего сложную природу одновременно и фольклорного, и культурно-цивилизационного характера. Поэтический и рок-поэтический текст различаются и в системном, и в структурном, и в

---

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №16-18-02005).